

УДК 94(410)“1910/1936”

Сухопутные силы Великобритании к середине 1930-х годов: проблемы модернизации

А. В. Ражев

Ражев Александр Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений, Челябинский государственный университет, guibert@mail.ru

Традиционные взгляды на роль армии и сложная ситуация в стране 1920 – начала 1930-х гг. во многом способствовала стагнации британской армии. В результате сухопутные силы не отвечали требованиям современной войны. В ответ на изменение европейской обстановки армейский Генеральный штаб разработал план «ограниченной модернизации», при этом армейские проблемы остались в тени авиации и флота. По мере нарастания военной тревоги к середине 1930-х гг. речь уже шла не просто об увеличении военных расходов, а о необходимости приведения сухопутных сил в соответствии с масштабами назревавшей угрозы.

Ключевые слова: Великобритания, британская армия, Имперский комитет обороны, межвоенный период, перевооружение, модернизация, предпосылки Второй мировой войны.

The Land Forces of Great Britain in the Middle of the 1930s: Problems of Modernization

A. V. Razhev

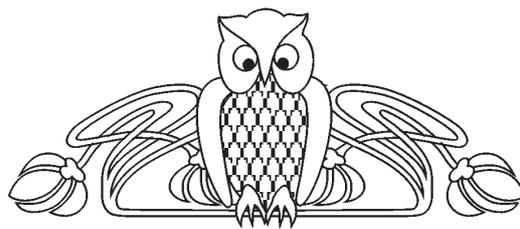
Aleksandr V. Razhev, <https://orcid.org/0000-0002-1692-0536>, Chelyabinsk State University, 129 Bratiev Kashirinykh Str., 454001 Chelyabinsk, Russia, guibert@mail.ru

Traditional views on the role of the army and difficult situation in the country in the 1920s and early 1930s largely contributed to stagnation of the British army. As a result, land forces did not meet the requirements of modern warfare. In response to changes in the European context, the Army General Staff developed a plan for “limited modernization,” but military issues remained in the shadow of Air Force and Navy. With the growth of military alarm by the mid-1930s it became obvious that not just increasing military spending, but bringing the land army according to the scale of the European threat of war is essential.

Keywords: Britain, British Army, Imperial Defence Committee, the inter-war period, re-equipment, modernization, causes of the Second World War.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-64-68>

Сухопутные силы Великобритании на протяжении нескольких столетий традиционно играли второстепенную роль в военно-политической стратегии этого островного государства. Как отмечал историк К. Барнетт, армия выполняла роль «имперского жандарма»¹. Море являлось той стихией, которая, по убеждению британцев, не разделяла, а соединяла империю. Поэтому контроль над океанскими путями составлял первейшую

заботу вооруженных сил метрополии. Военно-морской флот рассматривался в качестве гаранта безопасности империи, ее незыблемости. Задачи сухопутной армии, согласно теории морской силы, носили во многом пассивный характер: содержание гарнизонов в стратегически важных районах и выполнение полицейских функций в колониях².

Ситуация стала меняться с ростом международной напряженности в начале XX в. Соперничество европейских держав грозило перерасти в крупномасштабный военный конфликт. Развернувшаяся гонка вооружений вынудила кабинет А. Бальфура (1902–1905 гг.) поставить вопрос о пересмотре укоренившихся принципов обороны метрополии и колоний. Одним из ключевых моментов начавшейся дискуссии стал вопрос о создании сильной сухопутной армии, так как основным соперником Великобритании должна была стать Германия. В этой связи высказывались сомнения, что флот в состоянии обеспечить британские интересы в мире, и особенно на Европейском континенте.

Англо-бурская война 1899–1902 гг. показала отставание Великобритании от континентальных держав в области строительства сухопутных сил. В результате понесенных поражений и острой критики авторитет английской армии заметно упал. По итогам войны в 1902 г. были созданы две королевские комиссии лорда Эшера и герцога Норфолка, которым поручалось разработать концепцию военной реформы. Помимо армейских чинов, в комиссии был включен и ряд военно-морских офицеров. В частности, стоит отметить второго морского лорда Дж. Фишера. Адмирал был убежден, что безопасность империи покоится исключительно на флоте, в то время как армия не должна выходить за пределы своей вспомогательной роли³. Особенно его тревожила идея создания экспедиционного корпуса, которая рассматривалась в рамках активно разрабатывавшейся континентальной стратегии. Фишер намеревался либо подчинить армию флоту, либо добиться для своего ведомства контроля над распределением оборонного бюджета. Адмиралтейство опасалось за свой амбициозный план развития военно-морских вооружений. Однако убедить кабинет не удалось. Внешнеполитическая ситуация оказалась на руку армейскому руководству. Возникновение Антанты и перспективы военного сотрудничества с Францией вселили большой энтузиазм в представителей военного министерства. Теперь армия стано-

вилась востребованной. Одновременно у военного ведомства появился свой реформатор, правда, в отличие от Фишера, человек гражданский – новый военный министр сэра Ричард Холден.

Ориентируясь на выводы комиссий Эшера и Норфолка, Холден начал реформу сухопутных сил. По оценке известного военного историка К. Барнетта, без внимания к деятельности Холдена «невозможно представить гигантские и весьма успешные усилия Великобритании в двух мировых войнах»⁴. Не случайно уже современники называли его лучшим военным министром в английской истории⁵.

В целом преобразования 1906–1912 гг. носили характер структурной модернизации. Возросла степень контроля над армией со стороны исполнительной власти. Если раньше военный министр осуществлял лишь общее руководство, то теперь он оказался во главе реорганизованного Военного совета. Наряду с первым лордом адмиралтейства глава военного ведомства получил равные возможности влиять на военно-политический курс кабинета. С этим было связано и упразднение поста главнокомандующего сухопутными войсками. Его политические функции отходили министру, а военные – начальнику генерального штаба.

Произошли изменения и в организации войск. Регулярные силы, расквартированные в метрополии, были сведены в 7 дивизий. Согласно новой стратегии, они предназначались для ведения боевых действий на континенте. Иррегулярные части были объединены в Территориальную армию из 14 пехотных дивизий и 14 кавалерийских бригад. На них возлагались задачи обороны метрополии, а также подготовка резервов для полевых войск.

Первая мировая война привела к созданию массовой армии. Первоначальные планы ограничиться небольшим контингентом войск для Западного фронта оказались несостоятельными. На начало войны сухопутные силы Великобритании насчитывали 432,4 тыс. солдат и офицеров. Из них около 150 тыс. составляли полевую армию. Общая численность войск Британской империи (включая доминионы) составляла 894,9 тыс. человек⁶.

Затягивание войны заставило британское правительство в 1916 г. ввести всеобщую воинскую повинность. За годы войны на военную службу было призвано свыше 8 млн человек, сформировано 85 дивизий и других подразделений. Максимальная численность экспедиционного корпуса на Западном фронте, включавшего на ноябрь 1918 г. 62 дивизии, достигала 2 млн человек. Всего через этот театр боевых действий прошло 5,4 млн человек. После окончания Великой войны создание такой небывалой в британской истории армии было признано ошибкой. Критике подверглась и сама континентальная стратегия, которая, по мнению многих политиков, показала свою несостоятельность для Великобритании.

Послевоенный период для Британской империи оказался сопряжен с многочисленными политическими и социально-экономическими трудностями⁷. Армия в этих условиях тяжело переживала адаптацию к новым условиям мирной жизни. Здесь необходимо выделить три ключевых фактора, оказавших значительное воздействие на развитие вооруженных сил в 1920–1930-х гг.

Во-первых, это политические особенности межвоенного периода: существенное полевение политики и демократизация жизни страны. Выступая под знаменем пацифизма и всеобщего разоружения, лейбористы и сторонники иных левых движений призывали к отказу от милитаризма в пользу социальных преобразований. Наличие сильной армии считалось неприемлемым в условиях пацифистского климата в обществе. Неприятие у пацифистов вызывала даже не столько сама война или вооруженные силы как таковые, сколько сухопутная армия. Такое двойственное отношение стало следствием высоких потерь на Западном фронте, потрясших британское общество. «Великая война психологически искалечила британцев, – отмечали историки, – подобные жертвы не вписывались в их историческое сознание»⁸. Патриотическая риторика сменилась критическим осмыслением произошедшего. В конце 1920-х гг. кинематограф наряду с солдатскими мемуарами, донес ужас войны до рядовых британцев. Под лозунгом «Более никаких Поштендейлей!» общественность приветствовала идею всеобщего разоружения. И вновь в первую очередь речь шла о сухопутной армии. Авиация и флот, не понесшие таких жертв, смогли сохранить свой статус в сознании английского общества.

В первой половине 1930-х гг. любой политик, открыто высказавшийся за перевооружение, рисковал своей карьерой в парламенте. Противоположные же идеи, наоборот, привлекали избирателей. Так, на выборах в Восточном Фулхеме в 1933 г. лидер лейбористов Джордж Лэнсбери заявил о своих планах «демобиловать армию, разоружить военно-морской флот, расформировать соединения военной авиации...»⁹. В результате поддержка консерваторов в этом округе снизилась с 14.521 до 4.480 голосов. Подобная риторика в общественной среде и в рядах оппозиции вынуждала правительство маневрировать и идти на уступки. Консервативные политики старались быть осторожны в своих высказываниях, чтобы не прослыть милитаристами. Так, канцлер казначейства Н. Чемберлен, одобрявший меры по усилению противовоздушной обороны, в целом высказывался против роста расходов на вооружение. Как бывший министр здравоохранения, сделавший имя на социальном реформировании, он не приветствовал рост военных расходов. «Сама идея того, что с трудом заработанные сбережения наших людей... должны быть потрачены на оружие, является ненавистной», – заявлял Чемберлен¹⁰.

Позиция общественно-политических кругов непосредственно сказывалась на финансировании вооруженных сил, борьба вокруг которого стала еще одним фактором, повлиявшим на обороноспособность Великобритании. В парламенте в ходе обсуждения военных статей бюджета разворачивались ожесточенные дебаты. Лейбористская партия противодействовала любым попыткам увеличения расходов на оборону, считая их без того необоснованно высокими. Хотя с 1919 г. по 1928 г. военные затраты снизились с 616 млн ф.ст. до 113 млн ф.ст., они оставались существенно выше, чем перед Первой мировой войной¹¹. Если в 1910–1914 гг. правительство тратило на оборону от 64 до 78 млн ф.ст. (из них армия получала 27–28 млн ф.ст.), то в 1925–1929 гг. эти расходы достигли 119–125 млн ф.ст. (из них на армию 43–44 млн ф.ст.). Более того, британские военные расходы в пересчете на душу населения оставались одними из самых высоких в мире. Данные, согласно справке Наркомата обороны СССР «О направлении роста вооружений капиталистических стран в 1927–1934 гг.», приведены в таблице¹².

Страна	Военный бюджет, ам. долл.	Численность населения, млн	Расходы на душу населения, ам. долл.
Англия	529,0	45	11,8
Франция	542,2	45	13,2
Польша	118,0	30,4	3,9
США	725,7	120	6,0
Италия	331,4	41	8,1
Япония	245,0	65	3,8
СССР	661,0	161	4,1

Лейбористы и либералы требовали свертывания дорогостоящих программ перевооружения и реструктуризации военной промышленности, аргументируя свою точку зрения отсутствием у Великобритании потенциальных противников на континенте. Существенное влияние на свертывание военных расходов оказал утвержденный в 1919 г. новый принцип финансирования оборонных программ¹³. Исходя из предположения, что в ближайшие десять лет в мире не предвиделось крупномасштабного вооруженного конфликта с участием Великобритании, был сделан вывод о возможности сокращения бюджетов военных ведомств. У. Черчилль, занимавший в 1924–1928 гг. пост канцлера казначейства, в общем разделял данный принцип финансового планирования. И хотя он высказывался за то, чтобы каждый год учитывать конкретную ситуацию, «десятилетнее правило» определенно тормозило последовательную модернизацию вооруженных сил.

Впрочем, ситуация с финансированием военных программ выглядела весьма неоднозначно: в 1913 г. военные затраты в бюджете соединенного королевства составляли 44%, а в 1928 г. – лишь

17%. Что касается их доли в ВВП, то она за прошедшее время существенно не изменилась. Все зависело от взглядов участников политического процесса и той системы координат, к которой они были привязаны.

Третьим фактором, оказавшим влияние на состояние вооруженных сил, стали настроения в армейской среде, где царила атмосфера уныния и пессимизма. Особенно широко подобные настроения распространялись среди прогрессивных офицеров – потенциальных реформаторов¹⁴. После войны их профессиональные задачи сузились до масштабов несения гарнизонной службы, участия в колониальных войнах и выполнения полицейских задач в Индии, Ирландии и самой Англии. В результате обозначились признаки самоизоляции армии, возвращения этого «самого консервативного и могущественного профсоюза» к довоенным армейским порядкам¹⁵. Военные все больше оказывались в стороне от процесса развития общества, переживавшего глубинную трансформацию: демократизацию, вовлечение в социально-политическую жизнь страны широких слоев населения, культурное и мировоззренческое обновление.

Главой Имперского Генштаба с февраля 1933 г. являлся генерал сэр Арчибальд Монгомери-Массингберд. Многие критически настроенные современники видели в его взглядах отражение кризисного состояния армии. Однако едва ли положение сухопутных сил в начале 1930-х гг. следует считать катастрофическим. Хотя территориальная армия по сравнению с 1914 г. была сокращена почти вдвое с 255 тыс. до 134 тыс. человек, численность регулярных частей уменьшилась незначительно, составив 118,1 тысяч¹⁶, а общая численность вооруженных сил империи (с учетом доминионов) даже возросла, составив к 1934 г. 943,2 тыс. человек¹⁷. Генеральный штаб следил за техническими разработками на континенте, и особенно за германскими. Начальник генштаба – сначала генерал лорд Кейвен, а затем фельдмаршал Дж. Милн – продолжали рассматривать Германию как потенциальную угрозу, в связи с чем строили планы модернизации полевой армии¹⁸.

Военные умело расходовали имеющиеся средства на постепенное перевооружение. Финансирование отдельных программ, в частности по механизации войск, оставалось на достаточно высоком уровне, что позволило военно-политическим кругам в 1920 – начале 1930-х гг. задумываться о таких проектах, как полномасштабная механизация армии, включая дальнейшее развитие танковых подразделений. Медлительность этого процесса частично объясняется быстрым техническим прогрессом, что затрудняло переход от разработок к их массовому внедрению. Кроме того, историк Д. Френч в качестве причины отставания выделял структурную громоздкость Генштаба, не позволявшую оперативно следить за ходом

военных разработок¹⁹. Таким образом, процесс модернизации шел, хотя дать ему однозначную оценку сложно. Ошибки были неизбежны, но зачастую они являлись следствием объективных факторов. Как писал генерал А. Уйзвелл в ноябре 1930 г., задача перед реформаторами мирного времени стояла крайне сложная, «сродни работе архитектора, которому, перестраивая дом, приходилось приспособляться к существующей конструкции и живущим в нем людям, а главное к постоянному недостатку средств»²⁰.

С началом 1930-х гг. международная обстановка осложнилась. Рост агрессивности фашистских держав, их стремление к пересмотру послевоенного миропорядка негативно сказались на состоянии имперской обороны. Особое беспокойство вызывала ситуация на Дальнем Востоке. Усиление Японии становилось все более угрожающим для интересов Британской империи. Политические круги постепенно приходили к осознанию, что длительное ограничение вооружений в сочетании с экономическими трудностями создают реальную угрозу безопасности.

Стремясь достичь компромисса между идеей разоружения, стремлением Германии к возрождению сильной армии и заинтересованности Франции в собственной безопасности, британские военно-политические круги приступили к рассмотрению возможных угроз. Для этого в структуре Имперского комитета обороны в октябре 1933 г. был создан Комитет оборонного планирования. В его состав вошли секретарь правительственного кабинета и одновременно секретарь Имперского комитета обороны М. Хэнки, постоянный заместитель канцлера казначейства У. Фишер, постоянный заместитель министра иностранных дел Р. Ванситтарт и начальники штабов армии, авиации и флота: А. Монтгомери-Массингберд, Э. Эллингтон, Э. Чатфилд.

На первом заседании комитета в ноябре 1933 г. Фишер и Ванситтарт предложили считать Германию основным потенциальным противником. Исходя из этой установки, представители казначейства и внешнеполитического ведомства высказались за пересмотр политики в области обороны. Министр авиации Дж. Лондондерри предупреждал, что «если Британия не ответит на германское перевооружение, то ситуация в дальнейшем будет только ухудшаться»²¹. Однако не все в комитете согласились с такой точкой зрения. М. Хэнки и первый морской лорд Э. Чатфилд в качестве основного источника угрозы продолжали рассматривать Японию. Они настаивали на усилении флота в рамках доктрины «двойного стандарта» и сингапурской стратегии. В результате в 1933 г. военные планы допускали возможность ведения войны одновременно против Германии и Японии.

При обсуждении международной ситуации о непосредственном, т.е. «техническом», перевооружении речи не шло. Генеральный штаб спешно

разработал план «ограниченной модернизации», запросив на эти нужды 40 млн ф.ст. Мнения в комитете разделились между сторонниками двух различных вариантов стратегии: европейского, подразумевавшего подготовку к противостоянию с Германией, и имперского, предусматривавшего сосредоточение усилий против Японии. Комитет начальников штабов, полагая, что в случае войны Германия будет следовать известному плану Шлиффена, рекомендовал в своем меморандуме в ноябре 1933 г. израсходовать эти средства для механизации войск и создания экспедиционного корпуса с целью защиты Бельгии и Голландии²². Правда, осознавая невозможность возврата к ситуации 1914 г., военные намеревались ограничить свой контингент четырьмя пехотными и одной кавалерийской дивизиями, а также танковой бригадой.

Британское правительство, не желавшее связываться с дорогостоящими программами перевооружения и возлагавшее надежды на переговоры с Германией, медленно реагировало на изменение ситуации. Особенно жестко на страже финансовой стабильности стояло казначейство во главе с Н. Чемберленом. Он, безусловно, видел необходимость усиления обороны ввиду роста агрессивности японской и германской политики, о чем свидетельствует его дневниковая запись: «этого требует обычное благоразумие»²³. Однако, будучи сторонником умеренных преобразований в рамках консервативного реформизма, Чемберлен ориентировался на укрепление социальной стабильности при помощи государственных мер по оживлению экономики. Поэтому, как пишет Дж. Пост, «спаситель британской экономики» стремился избежать «жертвования маслом ради пушек»²⁴. В итоге Комитет оборонного планирования согласился лишь на исправление тех недостатков, которые были допущены в 1920-е гг., т.е. за время существования «десятилетнего правила». Члены комитета поддержали выделение на эти цели дополнительных ассигнований в течение последующих пяти лет, отвергнув при этом планы по модернизации сухопутных сил в целом. Более того, в результате дальнейшего обсуждения казначейство добилось сокращения запросов военных. Однако по мере нарастания политического кризиса в Европе с середины 1935–1936 гг. начинается планомерное обсуждение вопросов модернизации сухопутных сил и ее стратегии в предстоящем Европейском конфликте²⁵.

Примечания

- ¹ *Barnett C.* Britain and her army, 1509–1970. A military, political and social survey. L., 1970. P. 411.
- ² См.: *Ражев А. В.* Британская имперская стратегия на Дальнем Востоке и проблема безопасности Австралии в 1920–30-е годы // *Вестн. Челяб. гос. ун-та. История.* 2012. Вып. 51, № 16 (270). С. 79–82.

- ³ См.: *Лухарев Д. В.* Адмирал Дэвид Битти и британский флот в первой половине XX века. СПб., 1997.
- ⁴ *Barnett C.* Britain and her army. P. 359.
- ⁵ *Dunlop J. K.* The development of the British Army 1899–1914. L., 1938. P. 231.
- ⁶ См.: Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 593 с. Л. 2, 4.
- ⁷ См.: *Грудзинский В. В.* На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). Челябинск, 1996. С. 289; *Нохрин И. М.* Прощание с Империей : национальная политика в Канаде в «либеральную эпоху» Уильяма Лайона Маккензи Кинга // *Rex Britannica : история Британской империи и созданного ею мира : сб. науч. работ к 60-летию проф. В. В. Грудзинского / под ред. И. М. Нохрина.* Челябинск, 2016. С. 117–137; 120–123.
- ⁸ *Barnett C.* The collapse of British power. L., 1972. P. 424–426.
- ⁹ *The Private Papers of Hore-Belisha / ed. R. J. Minney.* L., 1960. P. 33.
- ¹⁰ *Мэй Э. П.* Странная победа. М., 2009. С. 190.
- ¹¹ См.: *Peden G. C.* Arms, economics and British strategy: from dreadnoughts to hydrogen bombs. Cambridge University Press, 2007. P. 127.
- ¹² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 593 с. Л. 23–24.
- ¹³ *Shay R. P.* British rearmament in the 1930s. Politics and profit. Princeton, 1977. P. 19.
- ¹⁴ См.: *Bond B.* Leslie Hore-Belisha at the War Office // *Politicians and defence : studies in the formulation of British defence policy, 1845–1970 / eds. I. F. W. Beckett, J. Gooch.* L., 1981. P. 111.
- ¹⁵ См.: *Поуз К.* Король Георг V. М., 2005. С. 324.
- ¹⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 593 с. Л. 2.
- ¹⁷ Там же. Л. 4.
- ¹⁸ См.: *French D., Reid B. H.* The British General Staff, reform and innovation, 1890–1939. L., 2004. P. 148–149.
- ¹⁹ См.: *French D.* Raising Churchill's army: the British Army and the war against Germany, 1919–1945. Oxford, 2001. P. 83.
- ²⁰ *Winton H. R., Mets D. R.* The challenge of change: military institutions and new realities, 1918–1941. University of Nebraska Press, 2000. P. 74.
- ²¹ *Shay R. P.* Op. cit. P. 34.
- ²² См.: *Peden G. C.* Sir Warren Fisher and British Rearmament against Germany // *The English Historical Review.* 1979. № 370. P. 35.
- ²³ *Мэй Э. П.* Указ. соч. М., 2009. С. 190.
- ²⁴ *Post G.* Dilemmas of Appeasement : British Deterrence and Defense, 1934–1937. N.Y., 1993. P. 39.
- ²⁵ Подробнее см.: *Ражев А. В.* Стратегия и ведомственные противоречия. Модернизация армии Великобритании во второй половине 1930-х годов // *Военно-исторический журн.* 2012. № 9. С. 67–73; *Razhev A. V.* British army in 1935–1939 : the modernization of land strategy and the context of appeasement // *Magistra Vitae : электрон. журн. по историческим наукам и археологии.* 2017. № 2. С. 89–64.

Образец для цитирования:

Ражев А. В. Сухопутные силы Великобритании к середине 1930-х годов: проблемы модернизации // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2019. Т. 19, вып. 1. С. 64–68. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-64-68>

Cite this article as:

Razhev A. V. The Land Forces of Great Britain in the Middle of the 1930s: Problems of Modernization. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations,* 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 64–68 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-64-68>